

Мо Цзиньянь, чье лицо было измято бесцеремонными руками, смотрел на Цинь Бучжоу холодным, ясным взглядом своих персиковых глаз. Вся его привычная невозмутимость, способная выдержать даже обрушение горы Тайшань, испарилась без следа.

— Отпусти, — процедил он.

Цинь Бучжоу неожиданно для себя обнаружил, что кожа на щеках Мо Цзиньяня на ощупь удивительно приятная — гладкая, нежная, словно мягкий нефрит. Ему совершенно не хотелось убирать руки. Как ребенок, нашедший диковинную игрушку, он с довольным видом продолжал тискать свое новое «приобретение».

Мо Цзиньянь, чье терпение лопнуло, ответил резким ударом.

В комнате завязалась схватка.

Схватка, разумеется, закончилась предсказуемо: Цинь Бучжоу прижал Мо Цзиньяня к полу. Мо Цзиньянь был далеко не слаб, его боевые навыки были весьма высоки, но перед лицом такого извращенца, как Цинь Бучжоу, этого было недостаточно.

Оба, запыхавшиеся и взмокшие от пота, лежали рядом и переглядывались, в их глазах читалось полное взаимопонимание.

Клан Мо, как и Клан Цинь, был древним и влиятельным родом, много лет удерживавшим власть в Цзинчэне. В последние годы Клан Цинь постепенно переносил основные интересы за границу, и Клан Мо стал главным бенефициаром этого процесса. Хотя Корпорация Цзиншэн под руководством Мо Цзиньяня уже вошла в высшие круги Цзинчэна, перед лицом Клана Мо с их глубокими корнями она была не более чем муравьем, которого можно раздавить одним пальцем.

Клан Мо давно не устраивал пышных приемов, поэтому, когда Старейшина Мо разослал приглашения всей элите Цзинчэна по случаю своего юбилея, никто не посмел отказать. В четыре часа дня, немного отдохнув, Мо Цзиньянь начал готовиться к выходу.

Его положение было довольно шатким: с одной стороны — восходящая звезда бизнеса, с другой — внук Клана Мо. И пусть этот статус не приносил чести — все знали, что этого законного внука выставили за дверь в день поминок его отца, — по всем правилам приличия он обязан был явиться.

Цинь Бучжоу, разумеется, собирался сопровождать его. Сейчас он сидел на подоконнике в коридоре и отчитывался по телефону перед своим братом.

Цинь Бучжоу никогда не был паинькой, но на то у него были свои причины.

Цинь Саньшуй души не чаял в младшем брате. Когда-то, еще в детстве, Цинь Бучжоу устроил истерику, спрашивая, почему у родителей и брата имена состоят из двух иероглифов, а у него — нет, не подкидыш ли он? И тогда брат ради него сменил свое имя. Все, кто знал главу Клана Цинь, понимали: этот человек непробиваем, и если хочешь чего-то добиться, путь лежит только через его брата. Это была одна из причин, почему Цинь Бучжоу никогда в жизни не сталкивался с серьезными трудностями.

Если бы Цинь Саньшуй хоть намеком дал понять Старейшине Мо, что Мо Цзиньянь представляет для него ценность, старик вел бы себя куда осторожнее.

Цинь Бучжоу чувствовал, что выбился из сил ради этой миссии, но слежка была единственным мягким способом, не нарушающим правил этого мира.

Мирное время — сплошная морока, здесь нельзя, там нельзя. Раньше, выполняя задания, ему даже не нужно было включать голову: полагаясь на интуицию, опыт и силу, он справлялся максимум за три месяца.

Как же было бы здорово просто прикончить цель... ну или хотя бы покалечить. А теперь, когда прошло столько времени, ему стало жалко это делать. Цинь Бучжоу, опершись локтями на подоконник, молча смотрел в небо.

Услышав слова брата, Цинь Саньшуй, известный своей привязанностью к нему, помрачнел:

— Ты хочешь сказать, что, вернувшись в страну, даже не встретился со мной, а сразу поехал в Корпорацию Цзиншэн?

Он, конечно, знал о дружбе брата с этим незаконнорожденным из Клана Мо. После нескольких неудачных попыток отговорить его, Цинь Саньшуй оставил эту затею. Вскоре он сам столкнулся с этим молодым человеком в деловых кругах и невольно проникся к нему уважением. Но когда выяснилось, что за три года, пока брат был за границей, тот каждый раз, возвращаясь на два месяца домой, пропадал в Корпорации Цзиншэн, Цинь Саньшуй, движимый братской ревностью, в одностороннем порядке разорвал связи с компанией, чем доставил ей немало хлопот.

Если бы составлялся рейтинг людей, которых Цинь Саньшуй ненавидит больше всего, Мо Цзиньянь точно вошел бы в десятку.

Услышав это, Цинь Бучжоу понял, что дело дрянь, и поспешно забормотал, пытаясь сгладить углы:

— У меня нет подходящей одежды для такого банкета, вот я и пришел одолжить костюм у А-Яня. Ты же знаешь, мы с ним почти одного телосложения.

Чушь! Любой слепой увидит, что ваши размеры совершенно разные! Ты что, считаешь своего брата слепым или дураком?

Пока у Цинь Саньшуя дергался глаз, вспомогательная система не удержалась от ехидного комментария в ухе Цинь Бучжоу: «Хозяин, тебе не стыдно использовать одежду как предлог? Ей же обидно! В обычной жизни ты её ни во что не ставишь, так еще и в такой момент заставляешь расплачиваться за свои грехи! Можно ли быть еще бесстыднее?»

— Я и есть бесстыжий, не нравится — ударь меня, — холодно ответил Цинь Бучжоу в своих мыслях, а вслух продолжал ласково и уговаривающе общаться с братом, пока тот не сменил гнев на милость и не пообещал присмотреть за Мо Цзиньянем.

Повесив трубку, Цинь Бучжоу с облегчением выдохнул. Засунув руки в карманы, он обернулся и увидел, что Мо Цзиньянь стоит там уже довольно давно.

Он моргнул своими золотистыми глазами и посмотрел на Мо Цзиньяня:

— Ого... а ты выглядишь весьма вызывающе. С такой внешностью ты любого покоришь с первого взгляда!

Что за бред... Мо Цзиньянь не нашелся что ответить. Впервые в жизни его назвали «вызывающим». И хотя это звучало как комплимент, радости он не почувствовал.

Мо Цзиньянь наконец сменил свой черный костюм и белую рубашку на нечто более изысканное. Вместо привычной строгости в его облике появилось утонченное изящество. Темно-серый приталенный пиджак, белая рубашка, галстук-бабочка и вставки с темно-синим ажурным узором на груди делали его лицо еще более холодным и благородным. У него была великолепная фигура — широкие плечи, узкая талия, длинные ноги в идеально скроенных брюках. Цинь Бучжоу задержал на нем взгляд на несколько секунд.

Мо Цзиньянь поднял голову:

— Костюм готов, иди переодейся.

Цинь Бучжоу кивнул и прошел мимо него в гардеробную.

Уже взявшись за ручку двери, он невольно обернулся. Мо Цзиньянь все еще стоял на том же месте, против света, и его лица было не разглядеть. Лишь ясные глаза смотрели прямо на него — спокойно и безмятежно провожая его спину.

Цинь Бучжоу отвел взгляд и, не выражая никаких эмоций, захлопнул дверь.

Через минуту он высунул голову из гардеробной с ошарашенным видом:

— ...Что это за чертовщина?!

Мо Цзиньянь: «...» Он так и знал.

Гора Тяньянь.

001 только вошел в зал, подпираемый звездами, как чья-то мощная сила подняла его и с силой швырнула о стену. Юноша слегка нахмурился от боли, но, почувствовав знакомую ауру, прищурился и мягко улыбнулся:

— Ждал меня здесь?

Тот человек не ответил, лишь спросил:

— Ты видел его?

— Да.

002 усмехнулся:

— Не боишься, что, когда они вернут память, то вдвоем избыют тебя?

— Нет, — мягко ответил 001. — Ты ведь защитишь меня, правда?

— ...Хм. — 002 отпустил воротник 001, наклонился и накрыл его губы своими. Взгляд его был холоден, но движения — нежны.

Застегнув последнюю пуговицу, Мо Цзиньянь взял с вешалки шелковый шейный платок и сказал Цинь Бучжоу:

— Подними голову.

Цинь Бучжоу послушно подчинился. Мо Цзиньянь завязал платок, его прохладные пальцы то и дело касались теплой кожи шеи. Цинь Бучжоу терпеть не мог, когда кто-то прикасался к его шее, поэтому подобные вещи мог делать только Мо Цзиньянь. Отойдя на два шага назад, Мо Цзиньянь замер: даже он, привыкший к сдержанности, не смог скрыть легкого волнения, глядя на этого ослепительного юношу.

Когда привезли заказной костюм, он сразу понял — это то, что нужно.

Мастер, шивший его, говорил, что у каждой ткани есть свой характер и душа. Два года назад он привел Цинь Бучжоу на примерку, и старый мастер сказал, что создаст свой лучший шедевр. Работа была закончена совсем недавно, и он не ожидал, что сегодня его наденет Цинь Бучжоу.

Темно-синий фрак с длинными фалдами до колен сидел безупречно. Ткань подчеркивала рельефные мышцы груди, шелковый платок с золотой каймой придавал образу аристократичности, а в кармане красовался светло-чайный платочек. Его рост был выше 190

сантиметров, длинные ноги приковывали внимание, а черные кожаные сапоги дополняли глубокий и мрачный тон наряда. С таким лицом он выглядел как аристократ, сошедший с полотен средневековой Европы.

Цинь Бучжоу нахмурился и потянулся к запонкам, но Мо Цзиньянь с легким вздохом перехватил его руки:

— Нельзя снимать.

Цинь Бучжоу скорчил обиженную гримасу:

— Неудобно.

Он ненавидел стесняющую одежду, особенно приталенные фраки.

Мо Цзиньянь отпустил его руки:

— Даже у самой лучшей ткани есть свои неудобства... — он взъерошил волосы Цинь Бучжоу, добавив спокойным тоном: — Будь паинькой, иди делай прическу.

Цинь Бучжоу, чьи волосы только что растрепали: «...» Ради миссии приходится идти на такие жертвы.

Войдя в зал, Цинь Бучжоу сразу заметил своего брата, который стоял в стороне, скрестив руки на груди. Рядом с ним, неловко улыбаясь, топтались дети хозяйки Клана Мо. Хотя брат был всего лишь гостем, он выглядел куда свободнее, чем сами хозяева.

Двойняшки пытались поддерживать беседу, проклиная про себя столь высокопоставленную персону, которая пришла так рано и не боится уронить свой статус.

Увидев Цинь Бучжоу, Цинь Саньшуй мгновенно сменил холодную маску на сияющую улыбку:

— А-Чжоу! — он бросился к нему навстречу.

Близнецы Клана Мо, заметив, кто идет, резко изменили лица и, переглянувшись, последовали за ним.

— Брат, — позвал Цинь Бучжоу.

— Ты пришел. — Цинь Саньшуй подошел ближе, заключил брата в теплые объятия и только потом бросил взгляд на Мо Цзиньяня. Он уважал этого парня, но из-за брата не мог питать к нему симпатии.

— Глава Клана Цинь. — Мо Цзиньянь серьезно поклонился. Его холодное, красивое лицо напоминало статую из нефрита, а ясные глаза невольно вызвали расположение даже у

бывалых людей.

Цинь Саньшуй хмыкнул и отвернулся. Человек, который в бизнесе был решителен и властен, рядом с братом становился беспринципным и по-детски капризным.

На самом деле, то, что он позволял себе так вести себя при Мо Цзиньяне, означало, что он больше не считает его чужаком.

— Брат, не будь таким упрямым, — хихикнул Цинь Бучжоу, возвращаясь к Мо Цзиньяню. — Пойдем скорее в зал.

Цинь Саньшуй чуть не подпрыгнул от возмущения, увидев, как брат «потакает чужаку»! — А-Чжоу, иди со мной, — нахмурившись, сказал он.

Цинь Бучжоу замотал головой:

— Ходить с тобой — значит выслушивать этих стариков, такая морока.

Цинь Саньшуй горько усмехнулся:

— Ты что, считаешь, что твой брат тоже старик и я тебе надоел?! — Брат считает меня старым... старым... Господи, его сердце было разбито... QAQ

Цинь Бучжоу искренне проговорил:

— Старший брат, даже если постареешь, ты будешь истребителем среди стариков!

— Старший брат, — раздался голос из-за спины Цинь Саньшуя. Голос был сладким и приторным, но не мог скрыть зажатости.

Мо Цзиньянь опустил глаза, не глядя на двойняшек.

Не собирается оказывать уважение? Цинь Бучжоу приподнял бровь и, положив локоть на плечо Мо Цзиньяня, слегка толкнул его:

— Эй, слышал? Кто-то зовет тебя старшим братом!

Пока двойняшки думали, что он сейчас заступится за них, он с усмешкой приобнял Мо Цзиньяня и сказал:

— Вы знаете, что он ваш старший брат, а знаете ли, кто я?

Хотя близнецы никогда не видели Цинь Бучжоу, они слышали слухи о «втором молодом господине Клана Цинь, чья красота подобна демонической». Этот человек был слишком красив, а второго такого, кого Цинь Саньшуй встречал бы лично, не существовало. Мальчик прошептал:

— В-второй господин Цинь.

— Что ты там мямлишь? Громче!

— Мо Фэй приветствует второго господина Цинь!

Цинь Бучжоу выудил из-за спины пистолет, направил на двойняшек и рявкнул:

— А ну, проваливайтесь! — он пнул мусорное ведро, преграждавшее путь, выпрямился, бросил ледяной взгляд на перепуганных близнецов и, схватив Мо Цзиньяня за запястье, направился в зал.

Только оказавшись в банкетном зале, Цинь Бучжоу отпустил его руку. Он обернулся и внезапно утонул в глубоком черном океане глаз Мо Цзиньяня, где мерцали осколки звезд, похожие на серебряный песок, и переливались цвета, которых он не мог понять.

Этот отблеск исчез так же быстро, как появился.

Мо Цзиньянь смотрел на него сбоку, его холодные, озаренные улыбкой черты напоминали горный пейзаж:

— Пугать детей — это не великая доблесть.

— Перестань корчить из себя добряка. Если боялся, что я кого-то напугаю, почему не остановил? — Цинь Бучжоу усмехнулся. — Ты ведь сам с удовольствием наблюдал за этим, не так ли?

— Кто понимает меня лучше, чем второй господин Цинь? — Мо Цзиньянь спрятал улыбку, и его лицо мгновенно стало строгим и отрешенным. — Хотя и хочется сказать спасибо, но такие выходы навлекут на тебя пересуды.

Цинь Бучжоу лишь улыбнулся, не вдаваясь в объяснения.

Он договорился с системой: помимо основной задачи по разрушению пары, существуют побочные задания, за которые можно получить дополнительные баллы. Эти баллы идут на прокачку системы, открывая новые функции.

Желанием владельца этого тела было не быть с Су Юйжо, а прожить жизнь ярко и достойно, защитив свою семью.

Цинь Бучжоу и сам был бунтарем, поэтому, узнав об этой мечте, перестал скрывать свой истинный характер.

Они нашли укромный уголок. Цинь Бучжоу несколько раз пытался стащить десерт, но Мо Цзиньянь каждый раз бил его по рукам. Недовольный, он принялся пить свежавыжатый сок. Банкет еще не начался, гости прибывали. Цинь Бучжоу заметил в толпе Чжан Вань — ту самую мачеху, которая выгнала Мо Цзиньяня из дома в день похорон его отца.

Чжан Вань было за сорок, но она отлично сохранилась: упругая кожа, величественная осанка, в глазах еще теплился былой блеск. Рядом с ней шла девушка в серебристо-голубом платье с «русалочьим» хвостом. Её лица было не разглядеть, но от неё веяло загадочностью и кротостью.

Цинь Бучжоу скривил губы и отвел взгляд, допивая сок. Он не заметил, что Мо Цзиньянь внимательно следил за тем, как он разглядывает девушку.

Пробило шесть часов. Старейшина Мо, опираясь на Чжан Вань и ту самую таинственную девушку, спустился по винтовой лестнице.

Старик выглядел добродушным. Он произнес дежурные фразы и объявил об открытии банкета, но внимательные гости заметили одну деталь в конце его речи: «В конце вечера будет сделано одно маленькое объявление».

Разве можно считать «маленьким» объявление Старейшины Мо? Тот, кто посмел так подумать... вдруг замолчал, словно его кто-то схватил за горло. Мужчина, проходивший мимо них, обладал утонченным лицом и пронзительным взглядом, полным властности. Один его небрежный взгляд заставлял людей склонять головы. Это был глава Клана Цинь — Цинь Саньшуй.

Действительно, нашелся смельчак, решивший, что дело второго по значимости Клана Цзинчэна — пустяк.

На самом деле, чем древнее род, тем больше он презирал нынешние методы Клана Мо. И Цинь Саньшуй был среди них. После смерти основателя Клана Мо дела шли на спад: старики были коварны и жестоки, а молодежь — лишь горластые пустышки, которые в глазах Цинь Саньшуя выглядели как клоуны.

По его мнению, из всех потомков Клана Мо лишь Мо Цзиньянь был достоин называться «драконом среди людей».

Покойный глава Клана Мо был еще на что-то способен, но старик, вернувший власть после смерти сына, стал упрямым и самонадеянным. Клан Мо, и так клонившийся к закату, под его руководством был обречен.

Старейшина Мо, увидев приближающегося Цинь Саньшуя, не посмел проявлять высокомерие и встал:

— Глава Клана Цинь.

Цинь Саньшуй улыбнулся:

— Старейшина, садитесь, не утруждайте себя, а то мой «второй господин» снова устроит мне разнос.

В его словах сквозил намек, Старейшина Мо на мгновение прищурился, но медленно сел рядом с ним.

Как только банкет был объявлен открытым, Цинь Бучжоу схватил пустую тарелку и с молниеносной скоростью смел все то, что Мо Цзиньянь запрещал ему есть. Десерты и куски

мяса превратились в гору. Мо Цзиньянь, только опомнившись, увидел, что старые привычки взяли верх. Сдерживая желание отодвинуться и притвориться, что он не знает этого человека, он ударил вилкой по руке Цинь Бучжоу:

— Следи за манерами.

К черту манеры! Я сейчас с голоду умру! Цинь Бучжоу сверкнул глазами, но в итоге не стал опрокидывать тарелку прямо в рот.

Цинь Бучжоу просто не любил лишних церемоний, но если уж старался, то владел приборами безупречно. Мо Цзиньянь что-то вспомнил, вздохнул и стер крем с его щеки:

— Моя вина, ты ничего не ел с самого самолета.

Ради того, чтобы костюм сидел хорошо, мало кто ест перед банкетом, и он упустил этот момент.

Цинь Бучжоу, увидев крем на его пальцах, машинально взял палец в рот и облизал. Ощущение теплого, влажного языка на кончиках пальцев заставило Мо Цзиньяня резко отдернуть руку.

— Это ваш второй господин Цинь? Выглядит очень статно, не хуже, чем госпожа Юэлянь в свое время. Сразу видно — дракон среди людей, — сказал Старейшина Мо, глядя в тот угол. Линь Юэлянь была матерью Цинь Саньшуй, первой красавицей Цзинчэна.

— Какой там дракон, просто транжира, — сокрушенно ответил Цинь Саньшуй. — Зачем мужчине такая внешность? Вот Мо Цзиньянь — настоящий молодец.

Он улыбнулся:

— Все говорят, что мой брат и старший господин Мо — неразлучные друзья, как один человек. А-Чжоу считает Цзиньяня братом, а я — брат А-Чжоу, значит, Цзиньянь и мне брат. Я, Цинь Саньшуй, всегда защищаю своих: если брату хорошо, то и мне хорошо. А если кто обидит брата — пусть готовится вернуть долг в десятикратном размере.

Слова были сказаны почти прямо, Старейшина Мо не мог не понять смысла. Но раз уж зашла речь, он был обязан соблюсти приличия.

— Разумеется, — добродушно улыбнулся Старейшина Мо, словно самый обычный старик. — Кто обидит нас, вернет в десятикратном размере. Глава Клана Цинь — человек с характером!

В конце банкета Старейшина Мо подвел к себе ту самую прекрасную девушку и объявил, что удочерил дочь старого друга, Су Юйжо, в качестве своей внучки. Девушка была изящной, с «говорящими» глазами, её кожа под светом ламп сияла, как жемчуг. Она была похожа на русалку, вызвав всеобщее восхищение.

Услышав имя «Су Юйжо», Мо Цзиньянь слегка вздрогнул.

<http://bllate.org/book/21627/2231383>